

Оксана
ГРИНБЕРГА

Оксана
СОБЛАЗНА

16+

Оксана Гринберга

Цена соблазна

«Автор»

2019

Гринберга О.

Цена соблазна / О. Гринберга — «Автор», 2019

Она вернулась в родной город после шестилетнего отсутствия, решив встретиться лицом к лицу со своим прошлым. Все еще надеялась, что взгляд серых глаз Артёма Спасского перестанет преследовать ее во сне и наяву... Но старые узы держат крепко, а расплата за былые соблазны может оказаться слишком высока.

© Гринберга О., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Оксана Гринберга

Цена соблазна

Глава 1

Стоило Майе выйти из лайнера в аэропорту Н-ска, как у нее тут же появилось навязчивое предчувствие, что они обязательно встретятся – столкнутся с ним в толпе, или за очередным поворотом вот-вот покажется его крепкая фигура.

Это ощущение было настолько сильным и всеобъемлющим, что не помогали ни мысленные уговоры, ни чашка крепкого кофе, который Майя выпила на ходу в стеклянных переходах аэропорта. Отделаться от странного чувства не получилось ни в такси по дороге к ее квартире, ни позже, когда Майя решала тысячу и один организационный вопрос перед началом выставки.

Этот город, пусть и миллионник, казалось, был пропитан его присутствием.

Если бы она знала, что так будет, то, возможно, не поддавалась бы уговорам своего менеджера и не приняла бы решение вернуться в Н-ск! До этого Майя долго – несколько месяцев – взвешивала все «за» и «против», пока количество плюсов не перевесило подсознательное желание держаться Артема Спасского как можно дальше.

Желательно, за несколько тысяч километров.

С другой стороны, с чего бы ей так волноваться? С их последней встречи прошло более шести лет. Ее имя он, наверное, все-таки вспомнит, но узнает ли в толпе, столкнись они нечаянно на улице или же окажись возле одной кассы в супермаркете?

Майя этого не знала и надеялась, что узнавать не придется.

В то, что Артем узнает о ее возвращении из СМИ и станет искать встречи с бывшей одноклассницей, – в такие сказки Майя не верила. Он всегда был к ней более чем равнодушен! Но, несмотря на длительные нравоучительные беседы с самой собой и пару глотков шампанского сразу же после открытия, ее все еще продолжало потряхивать.

Это нервы, сказала она строго. Это все проклятые нервы!

Что ему делать здесь, в большой и модной галерее «Пегас», на шестом этаже торгового центра, расположенного в исторической части города? В месте, где приглушен свет, играет негромкая музыка и проходит ее персональная выставка?

Именно из-за этого она и приехала в Н-ск, привезя с собой из Испании около двадцати последних работ. Ее давно уже звали на родину, и, после нескольких месяцев размышлений и душевных терзаний «ехать или нет», Майя все-таки дала согласие. Не прогадала – результаты первого дня обещали превзойти самые смелые ее ожидания. Но, вместо того, чтобы насладиться собственным триумфом, она продолжала думать об Артеме, рассматривая расхаживающих по залу гостей.

...Уж ему-то здесь точно не место! Что делать такому, как он, среди местной богемы? Среди ее картин на светлых стенах, в мире негромких разговоров и приглушенных смешков, среди толпы, в которой ловко снуют официантки в белой униформе, предлагая с серебряных подносов шампанское и небольшие закуски? Среди журналистов, критиков, да и просто зевак, забредших на персональную выставку Майи Самойловой?

Maia Samoilova, ее личный, раскрученный и благосклонно принятый в высших художественных кругах бренд.

Ее работы хвалили. Их любили. Их покупали.

Последние три года оказались особенно для нее успешными – Майя участвовала в международных выставках в Лондоне и Нью-Йорке, была завсегдатаем «Венецианского Биеннале» и канадского «Торонто Арт Экспо». Персональные выставки проходили в Брюсселе и Мадриде,

ее работы можно было найти в галерее «Мирабелла» в Барселоне, неподалеку от которой Майя обзавелась собственной квартиркой-студией.

Она рисовала, как жила, и радовалась тому, что картины пришлись по душе многим. Но ее талант в полной мере раскрылся лишь после того, как ей удалось вырваться из мертвой хватки родного города.

Долгие шесть лет Майя думала, что уехала из Н-ска навсегда, но...

Она все-таки вернулась. Ненадолго – ровно на неделю, пока длится ее персональная выставка. Впрочем, врать себе Майя не собиралась. Дело было не только в выставке – она наконец-таки нашла в себе силы взглянуть в глаза своему прошлому после шестилетнего отсутствия.

Улыбнувшись официантке, разносившей бокалы с шампанским, подошла к большому панорамному окну, из которого открывался чудесный вид на вечерний Н-ск. Улочки Старого Города были запружены разодетыми людьми, горели разноцветные фонари и пестрела яркая реклама. Летние кафе были переполнены, и даже до шестого этажа, где находилась галерея, долетали отзвуки громкой музыки.

Странным образом родной город показался на этот раз Майе невероятно прекрасным, хотя шесть лет назад она покидала его без сожаления.

Наверное, потому что в нем не оставалось никого, о ком ей жалеть?.. Лишь могилы родителей, горстка приятных людей, единственная школьная подруга, с которой они иногда переписывались, да бывшие одноклассники.

А еще Артем Спасский, ее старая школьная любовь, встречаться с которым она не собиралась, старательно уговаривая себя, что этого никогда не произойдет. Они не столкнутся с ним в очереди к кассам переполненного супермаркета, потому что это против любых законов природы.

Сделав еще глоток шампанского, Майя строго-настрого приказала себе вернуться в реальность и начать, наконец, наслаждаться происходящим. Потому что это был ее день! Официальная часть уже закончилась – до этого она долго и старательно улыбалась на камеру, давая интервью местным журналистам, радуясь, что можно говорить на родном русском. Теперь вход в галерею был свободным, раздвижные двери постоянно открывались, впуская новых и новых гостей.

Майя ждала тех, кому позвонила по приезду. Тех, кого она хотела видеть.

Первой появилась ее старая начальница, принеся ей охапку сиреневых хризантем. Цветы чудно пахли и, несмотря на то, что на дворе стояло начало августа, напоминали Майе о прохладной прибалтийской осени. Да и сама Марина Викторовна была ходячим напоминанием о тех временах, когда Майе приходилось совсем непросто.

Она рано осталась сиротой. Отец, в прошлом известный художник, быстро спился, не дотянув и до сорока пяти. Мама после его смерти утонула буквально за несколько месяцев, потеряв смысл жизни – ей больше не было за кого бороться, лечить, уговаривать, возить кодироваться, к знахарям и бабкам-шептуньям... А дочь свою они давно уже не замечали.

В восемнадцать лет Майя осталась одна.

Родственники, с которыми они не поддерживали связь, были далеко, разъехались кто куда чуть ли не по всему миру. К ним Майя за помощью обращаться не стала – они не явились на похороны ни отца, ни матери, несмотря на разосланные уведомления.

Решила, что справится со всем сама. Она сильная, она сможет.

От родителей Майе досталась трехкомнатная квартира в центре. Непростая – в престижном квартале неподалеку от центра, с папиной небольшой мастерской на мансарде, на которую вела скрипучая винтовая лестница. Добрые люди тут же посоветовали продать наследство – за него можно было бы выручить приличную сумму.

Но Майя ничего продавать не стала.

Вместо этого с легкостью поступила в Художественную Академию и принялась зарабатывать, как могла. Устроилась уборщицей в роддом на полставки, хваталась за любую возможность подзаработать на оформлении витрин, расписывала стены в кафе и ресторанах, радуясь, когда удавалось за бесценок продать хоть что-то из своих картин.

Это было сложное время, но она справилась.

– Хороша! – заявила ей Мария Викторовна, старшая акушерка Первого Городского Роддома, в котором Майя много лет подряд самозабвенно натирала полы.

Пожилая женщина отстранилась, разглядывая Майю с ног до головы. Мазнула взглядом по закругленным носам туфель на высоких каблуках, закрытому спереди, но с открытой спиной черному платью, которое Майя долго и придиричиво выбирала перед зеркалом. Дошла до обманчиво-простой прически, на создание которой ушло более часа – распущенным, вытянутым до середины и подкрученным на концах белокурым локонам, спадавшим почти до бедер.

– Красавица! – вынесла вердикт бывшая начальница.

Обнялись, и Майя наклонилась – каблуки были внушительных размеров, – чтобы коснуться губами морщинистой щеки Марины Викторовны. Затем та подхватила Майю под руку, и они прошлись по галерее. Марина Викторовна оценила «Домино», возле которого толпился народ; надолго остановилась возле «Заката».

– Значит, выбилась в люди, – кивнула одобрительно. – Молодец, девочка! Настоящий борец.

На это Майя хотела ответить, что у нее просто не было другого выхода.

Но промолчала.

Ей казалось, что жизненные трудности достаточно ее закалили. Перетерли, перемололи на своих жерновах, отсекая все лишнее. Остался лишь титановый стержень, на который она «насадила» то, что посчитала нужным взять в новую жизнь – уверенность в своих силах, любовь к сыну и желание выжить любой ценой.

– А где же Никитка? – спохватилась Мария Викторовна, закрутила головой. – Где мой крестник?

Она и принимала роды. Не сказать, что простые, но в конце концов все обошлось.

Иногда старая акушерка хвалилась, что держала на руках почти половину Н-ска.

– Во-он там, со своей няней! – Ее сын чуть в стороне на бойком испанском досказывал Орелии, что в маминых картинах явно чего-то не хватает. Майя частенько рисовала прибалтийские пейзажи, на которые он бы добавил Трансформеров или высадку монстров на пустынный морской пляж. – Привезла, чтобы показать родину.

– Хороший мальчонка, – улыбнулась акушерка. – Похоже, в папу пошел! – и Майя поймала на себе очередной цепкий, оценивающий взгляд.

Майя была светленькой и худенькой, с большими синими глазами, роста среднего, если скинуть высоченные каблуки. Никитка же в свои пять с половиной лет обещал стать высоким и крепким. Был он смугл, черноволос и сероглаз, с резкими, уверенными чертами лица – совсем в другую породу.

– Познакомить? – спросила Майя. Собиралась было позвать няню, которую захватила из Испании, но Марина Викторовна покачала головой.

– Не стоит, Майечка! Пойду-ка я... Пройдусь еще немного, а потом на работу. Поздно уже, смена у меня в ночь. Но ты забегай, чайку попьем, поболтаем о нашем, о девичьем. В среду и четверг буду днем, так что заходи!

– Обязательно, – пообещала Майя.

Попрощались.

Только проводила Марину Викторовну, как к ней беззвучно подошел Пабло – ее менеджер, друг и наставник, без которого жизнь Майи пошла бы совсем не так. Коснулся локтя, поманив за собой в небольшой закуток, подальше от людских глаз. И тут же зашептал на ухо,

что дела складываются очень хорошо. Тот самый покупатель, которого он долго и планомерно окучивал еще в Барселоне, готов внести круглую сумму.

Это означало, что по окончании выставки большая часть из картин украсит роскошные стены пятизвездочных отелей по всему Прибалтийскому побережью.

Майя довольно кивнула. Все складывалось даже лучше, чем она предполагала. Насколько – станет ясно к концу выставки, но эта сделка не только покроет расходы на поездку, но и позволит ей отложить приятную сумму на банковский счет. Кредит за студию в Барселоне она давно уже выплатила, теперь можно подумать и о Никиткином будущем.

Сын растет быстро, не успеешь оглянуться, как придется подыскивать ему университет. Возможно, он даже пойдет по ее стопам, потому что рисовать любил чуть ли не с рождения. Но куда больше Никите нравились машины – совсем как его отцу – и их небольшая квартира в центре Барселоны была завалена четырехколесными игрушками.

Но от мыслей о Никите и его, несомненно, блестящем будущем пришлось отвлечься, потому что снова распахнулись стеклянные, с вензелями «Пегаса», двери, впуская в галерею ее единственную Н-скую подругу, с которой они общались еще со школы.

Элька сразу же ее заприметила. Помахав, двинулась навстречу по ковровой дорожке, переставляя длиннющие ноги на высоченных каблуках. Покачивала узкими бедрами, как магнит притягивая взгляды окружающих.

В школе Эльвира Ветлицкая была признанной королевой красоты – даже выиграла этот конкурс в выпускном классе, – и с той поры ничего не изменилось. Вот и сейчас, по прошествии почти десятилетия после их выпуска, она все так же оставалась сокрушительно хороша. Точечную фигурку облегало короткое, полупрозрачное черное платье, которое куда больше подошло бы для ночного клуба, чем для посещения картинной галереи. Иссиня-черные волосы спадали до лопаток, темные стрелки выделяли ярко-синие глаза, кроваво-красная помада на губах казалась ударом ножа убийцы.

Глядя на нее, тараканы, от которых Майя почти избавилась в Испании, зашевелились, выползая из своих щелей.

Вот еще! – сказала она себе строго. Я и не подумаю нас сравнивать – слишком уж мы разные! Эльке всегда нравилось привлекать к себе внимание – подруга шла по жизни с уверенной раскованностью той, кто знает себе цену.

Майя же себе цену не знала – кроме той, которую были готовы платить за ее картины, – и все школьные годы уверенно пребывала в Элькиной тени. Впрочем, в то время это ее мало волновало – она привычно витала в облаках, рисуя то в своем заветном блокноте, который всегда был при ней, то в тетрадях, а даже, случалось, и в учебниках, за что ей серьезно попадало от преподавателей. Но при этом старательно училась, и Элька таскала ее за собой, словно вещь, у которой в любой момент можно списать домашнюю работу.

– Давно не виделись!

Не виделись они как раз те самые шесть лет.

Подруга окинула ее оценивающим взглядом. Красивое Элькино лицо вытянулось, когда она уставилась на Майино черное платье с открытой спиной.

– Диор или Валентино? – спросила ревниво.

– Диор, – призналась Майя.

– Туфли?! – еще один испытующий взгляд.

– Маноло Бланик.

– Неплохо, Самойлова! Тебе явно пошел на пользу испанский берег, – усмехнулась Элька.

Нервно потянулась к сумке, выловила пачку сигарет с тонким фильтром. Хищные, накрашенные губы приоткрылись, но Майя все же успела ее остановить.

– Эль, здесь же не курят! Это все-таки галерея...

– Вот гадство! – в сердцах отозвалась подруга, пряча сигареты в сумку. – Значит, прикатила в наш дождливый Н-ск со своего испанского берега? Возвращение блудной дочери, ну-ну! И насколько же блудной? – спросила хитро, затем безошибочно повернулась в сторону Пабло, выцепив его взглядом из толпы зевак.

Майин менеджер даже в свои пятьдесят восемь производил сокрушительное впечатление на женский пол благородной сединой и пронзительным взглядом черных, словно испанские маслины, глаз.

– Этот с тобой? – кивнула Элька в сторону Пабло. – Твой мужик?

– Он?! – удивилась Майя. – Эль, ну что ты, он же мне как отец! К тому же...

Осеклась, решив, что подруге не стоит знать, что Пабло был совсем по другой части – женщины в качестве сексуальных партнеров его не привлекали.

– Тогда кто?

Майя пожала плечами.

– Никто.

– Ну дура ты, Самойлова! – с явным удовольствием произнесла Элька, и Майя подумала, что вступительный экзамен в женский клуб неудачниц ею успешно пройден.

Будь у нее еще и муж, Элька бы такого ей не простила. А так – пусть и известная художница, которой испанский берег пошел на пользу, но все равно мать-одиночка и никакой личной жизни!

Потому что у самой Эльки тоже не сказать, что особо складывалось – два развода и работа менеджером на побегушках в полиграфической компании, которую – и работу, и компанию – та откровенно ненавидела и частенько жаловалась на свою жизнь, когда они созванивались.

Впрочем, Элька все еще не оставляла надежды устроиться.

– Родька тоже приехал, – неожиданно сообщила подруга. Затем с недоумением уставилась на одну из картин. – И что, за это платят? – ткнула наманикюренным пальчиком в сторону «Рассвета».

На ней солнечные лучи пронзали морской берег, и, казалось, невозможно было найти ту самую точку горизонта, в которой вода переходила в небо.

– Платят, – пожала плечами Майя.

– Я тоже такое могу нарисовать. Да хоть с десяток! – заявила с насмешкой. – Плюнуть и растереть.

– Плюнь и нарисуй, – согласилась Майя. – Так что с Родькой?

Они были дружны в школьные годы, и Майя поймала себя на мысли, что с радостью встретится со своим одноклассником.

– Тоже на днях вернулся в Н-ск, – сообщила Элька. – Звонил, спрашивал о тебе. Сказал, что зайдет на выставку.

– А откуда он приехал? – Майя даже не знала, что он уезжал.

– Из Цюриха, кажется! – подруга пожала худыми плечами, затем призывно улыбнулась мужчине в деловом костюме, устремившему на них заинтересованный взгляд. – Или же из Осло, какая разница?.. Кстати, наш Резиновый Утенок стал важным бизнесменом, руководит своей компанией, что-то в сфере Ай-Ти. Мотается теперь по всему миру. Наверное, денег гребет немерено, – и Элька мечтательно вздохнула.

Майя невольно улыбнулась, вспоминая смешное прозвище, которое дали ее однокласснику. В школьные годы Родька был заправским шутком, правда, с отличными способностями к физике и математике. Помогал ей в старших классах, когда ее вгоняли в ступор гигантские формулы, тогда как Майя подтягивала его по гуманитарным предметам.

Теперь же стал важным бизнесменом то ли в Цюрихе, то ли в Осло – их Резиновый Утенок расправил крылья...

Впрочем, она тоже не жаловалась на судьбу и тоже смогла пробиться, несмотря на то, что в школе ее прозвали Марусей.

Придумал это прозвище Артем Спасский в первый же день, когда появился в их классе. Перевелся из другой школы чуть ли не в середине учебного года, вошел в кабинет – им было лет по двенадцать-тринадцать, – после чего уверенно двинулся в сторону последней парты, где Майя давно и счастливо пребывала в одиночестве.

Рисовала в своем блокнотике, предаваясь радужным мечтам.

Новенький совершенно бесцеремонно уселся рядом с ней, потеснив разноцветные восковые мелки, раскатившиеся по парте, и Майя уставилась на него с изумлением.

Что он забыл рядом с ней, которую в классе считали чуть ли не блаженной?..

Но новый мальчик был настолько красив, что у нее перехватило дух, и Майя сразу же забыла, о чем собиралась у него спросить. Вместо этого потянулась к блокнотику, решив зарисовать, но спохватилась.

В его присутствии ей почему-то сразу расхотелось выглядеть блаженной.

– Тебя как зовут? – спросил у нее.

– Майя... Майя Самойлова.

– Марусей будешь, – вынес он свой вердикт. – Меня Артем зовут.

И Майя поняла, что пропала.

«Это» – свою влюбленность в Спасского Майя привыкла называть «это» – растянулось не только на все школьные годы, но еще и захватило много лет после выпуска.

Спас Майю только испанский берег, который ее и излечил.

И она надеялась, что уже окончательно – последние пару лет Майя практически не вспоминала об Артеме. Вот и сейчас, в Н-ске, уговорила себя, что они не могут пересечься, потому что это противоречит всем законам физики... Да что там говорить, всем законам природы!

Таких совпадений попросту не бывает, сказала она себе строго.

Тут снова распахнулись стеклянные входные двери. Полноватый охранник, на которого напялили глупую ливрею чуть ли не до пола, из-за чего вид тот имел довольно жалкий, кивнул, пропуская Родьку, и мысли об Артеме вылетели из ее головы окончательно.

Родион Роданов, их Резиновый Утенок, изменился, возмужал. Стал уверенным, холемым, улыбчивым, прячущим темные глаза за дорожкой оправой модных очков. Роста он был среднего, так что Майя на здоровенных каблуках, от которых у нее уже начинало сводить голени, оказалась с ним наравне. Подошел, с явным удовольствием приложился к ее щеке, затем всучил огромный букет кроваво-красный роз.

– Родь, ну зачем?.. – спросила она растерянно, мысленно охнув под весом цветов.

Спасла Майю официантка, предложив забрать букет и поставить его в вазу.

– Ты прекрасна! – заявил Родька совершенно искренне, на что Элька, на которую одноклассник не обратил внимания, скривилась.

– Ну вы тут пообщайтесь, голубки, – заявила им кисло, – а я выйду покурить.

Правда, «покурить» Элька так и не ушла. Вместо этого направилась, покачивая стройными бедрами, обтянутыми полупрозрачной материей, в сторону Пабло, разговаривавшего с темноволосым мужчиной в строгом деловом костюме. Тем самым, кто не забывал время от времени одаривать их оценивающими взглядами.

Английским Элька владела на таком же уровне, как и испанским – то есть, не владела совсем, – но подобные мелочи подругу никогда не волновали.

– Итак, Ветлицкая покинула родные пенаты и вышла на охоту, – прокомментировал Родька, проводив бывшую одноклассницу взглядом. – Мужики знатно не повезло!

– Зря ты так, Родь! – покачала Майя головой. – Не понимаю, почему ты ее так не любишь?

– А я мало кого люблю, – жизнерадостно сообщил он, – потому что вижу таких людей насквозь. Суть Ветлицкой в том, чтобы как можно лучше устроиться в этом мире. Причем за

счет других, Марусь, потому что сама она слишком ленива и глупа. – И тут же добавил, не дав ей возможности возразить: – Но Ветлицкая у нас не хищница, нет! Скорее, она – половая тряпка, которую отбрасывают после использования.

– Родь, сейчас же прекрати! – возмутилась Майя. – Ты ведь знаешь, Элька моя подруга, и я не позволю...

Он снова усмехнулся.

– Как скажешь, Марусь!

Затем последовали дифирамбы ее красоте и успеху, от которых кровь сразу же прилила к щекам. Майя всегда смущалась, когда ее хвалили.

– Все, хватит, Родь, это уже перебор! – наконец, не выдержала она. – Ты меня так совсем захвалишь. Лучше расскажи, как твои дела. Знаешь, я чертовски рада тебя видеть!

– Знаю, – кивнул он. – Я это чувствую. Ты как маленькое солнце, Марусь, еще со школы... Помнишь, как приходил к тебе греться, когда мне было совсем плохо? – он попытался взять ее за руку, но Майя не далась.

– Что ты несешь, Родь?

– То и несую, – усмехнулся он. – Ничего не изменилось, Марусь! – произнес многозначительно.

– Мы изменились, – покачала она головой. – Каждый пошел своей дорогой, и некоторые из этих дорог завели нас довольно далеко от дома.

Сказанное заставило Родьку призадуматься.

– Знаешь, я рад, что ты уехала из Н-ска, – неожиданно произнес он. – И тебе удалось всего этого избежать.

– О чем ты? – растерялась Майя, почему-то подумав, что сейчас он заведет разговоры о кризисе и о том, что хорошо там, где нас нет.

Но Родька молчал, размышляя о чем-то таком, что его явно тревожило. Наконец, заявил:

– Ты в курсе того, что происходит с нашими одноклассниками?

– Нет, не в курсе, – Майя пожала плечами. – А разве с ними что-то происходит?

Элька в редких телефонных разговорах была скупа на подробности, так что Майя не слишком-то знала, кто из их бывшего класса женился, развелся или обзавелся детьми.

– Я не так давно вернулся в Н-ск, но уже успел кое с кем пообщаться и проанализировать услышанное. Знаешь, к какому выводу я пришел? – Майя, конечно же, этого не знала. – За последние годы с нашими одноклассниками произошло слишком много трагических и совершенно нелепых случайностей. Целая череда, – заявил ей Родька. Подхватил бокал с шампанским с подноса проходящей мимо официантки, но сам пить не стал, сунул Майе в руки, – от которой оказались застрахованы только те, кто успел вовремя свалить из Н-ска. Например, мы с тобой, Марусь! Еще Трубина, Гиззе и сестры Балаян.

– погоди, Родь, о чем ты говоришь? Какая еще... целая череда трагических случайностей? – нахмурилась она.

– Твои картины застрахованы? – спросил одноклассник насмешливо, и Майя поспешно кивнула.

– Да, застрахованы. К чему ты клонишь? Родь, прекрати меня разыгрывать! – Ей стало тревожно. – Сейчас же расскажи, в чем дело!

– Заинтриговал? – усмехнулся он. – Но, как уважающая себя Шахерезада, я расскажу тебе обо всем завтра. Завтра, Марусь!.. И не морщи свой красивый носик, я не собираюсь портить тебе вечер. Кстати, где ты остановилась? В гостинице?

– Нет, – покачала Майя головой, понимая, что из упрямого Родьки ей ничего не вытянуть, пока он сам не захочет рассказать. – В квартире родителей.

Вернее, это давно уже была ее квартира.

– В той самой, что с каморкой Карлсона на крыше?

Родька частенько бывал у нее в школьные годы, и Майя водила его по винтовой лестнице в папину мастерскую на мансарде, с которой открывался чудесный вид на красные черепичные крыши Старого Города. Наверное, именно поэтому она так не смогла продать квартиру, когда переезжала в Испанию. Собиралась, но в последний момент передумала – слишком уж много воспоминаний, державших ее цепко.

Вместо этого пару лет назад Майя нашла строительную компанию и дизайнера, решив привести свое наследство в порядок. Прилетев в Н-ск, Пабло снял номер в отеле, а Майя с Никитой и Орелией, его няней, устроились в отремонтированной квартире, в которой мало что напоминало ее не слишком счастливое детство.

– Заскочу к тебе завтра утром, – сообщил ей Родька. – Часов в девять, подойдет? И мы обо всем поговорим. Привезу тебе кофе и круассаны, как и положено на завтрак модной художнице.

– Родь, ну что ты несешь?!

– Дай-ка мне свой телефон! – он уже вытаскивал здоровенный позолоченный мобильник.

Уставился на нее вопросительно, и Майя, обреченно вздохнув, продиктовала ему свой номер, понимая, что теперь от Родьки ей так просто не отвяжаться.

В череду... гм... нелепых и трагичных случайностей она не верила. Решила, что Родька все придумал, чтобы найти повод для еще одной встречи.

Майя была рада его видеть, но знала, что Родька к ней неровно дышит еще со школьных времен, да и сейчас чувствовала его особый интерес. Поэтому утреннее свидание порядком ее смущало. Впрочем, он всегда был слишком деликатен, чтобы у нее возникли какие-либо проблемы в случае отказа...

С другой стороны, может, и не стоит ему отказывать? Новый Родька ей нравился, а у нее давно уже не было никаких серьезных отношений...

Как, впрочем, и несерьезных тоже. Вернее, так толком никого и не было с того самого первого и единственного раза.

Быть может, пора впустить в свою жизнь что-то новое? Нового мужчину, с которым они были дружны еще со школы, а теперь он произвел на нее самое приятное впечатление, и променять постоянно членство в клубе неудачниц на серьезные и зрелые отношения?

Ей уже двадцать семь и... Про часики, которые тикают, додумать Майя так и не успела.

– Смотрите-ка, кто тут у нас?! – разнесся по галерее зычный голос, и Родька негромко выругался.

В дверях показалась знакомая фигура, при виде которой Майя мысленно чертыхнулась. Уж кого-кого, а этого человека она точно не ожидала увидеть на своей выставке!

– А вот и Дубовский пожаловал! – поморщился Родька. – Куда уж без него?! Знаешь, Марусь, я, пожалуй, пойду... – У них был затяжной конфликт еще со школы, причем частенько с применением грубой физической силы, в которой у его оппонента был значительный перевес. – Не буду портить тебе вечер. Увидимся завтра!

– До завтра, – машинально отозвалась она, готовясь к встрече с ураганом под названием «Максим Дубовский» и справедливо полагая, что без жертв и разрушений уже не обойтись.

Не ошиблась – жалобно звякнули бокалы на подносе у официантки, которую Макс по школьной привычке попытался ущипнуть за зад, и один из гостей, надолго остановившийся рядом с Майиным «Одиночеством», недовольно поморщился.

– Ведите себя цивилизованно, молодой человек!

Но Майя знала, что этот молодой человек не в состоянии вести себя цивилизованно. Потому что Макс Дубовский на сто процентов состоял из жеребьячьего энтузиазма, щедро приправленного лошадиным упрямством. Гроза учителей, с вечным «неудом» по поведению и «отлично» по физкультуре, он долгое время был школьным капитаном на всех спортивных состязаниях, вечно споря за это сомнительное звание с Артемом Спасским.

Майя их стремления быть во всем первыми не понимала, да и физкультуру не слишком-то жаловала – опасалась прыжков через козла и в грязную песочную яму.

С тех пор Макс почти не изменился – здоровенный, словно шкаф, широкоплечий, с бело-зубой улыбкой на румянном лице и вихрами светло-рыжих волос. Шел к ней, почему-то прихрамывая и опираясь на трость, а вокруг него бегал крайне активный рыжеволосый мальчишка лет пяти, изнывая от нетерпения.

«Яблоко от яблони», – со смешком подумала она, размышляя, что могло случиться с Максом за годы ее отсутствия, кроме... счастливого брака, потому что рядом с ним, рука об руку, шла красивая худенькая девушка. Синяя туника и белые брючки для беременных подчеркивали ее аккуратный животик.

Месяц шестой-седьмой, уверенно определила Майя.

...Шесть лет назад у нее тоже долго не рос живот, почти до середины второго триместра. На работе она старательно делала вид, что не беременна – таскала тяжеленные ведра с водой и швабры, – пока ее не подловила Марина Викторовна. Отвела в свой кабинет и устроила допрос с пристрастием.

Пришлось во всем признаваться.

Майя даже расплакалась, сказав, что если ее уволят, она не сможет заплатить за квартиру и ей не на что будет покупать еду. Быть может, она может поработать еще хотя бы пару месяцев?.. Ведь она же не нарушила никакой... трудовой кодекс?

В последнее время с заказами на оформление ее не слишком баловали, да и картины почти не продавались.

– И где же счастливый отец? – хмуро поинтересовалась старшая акушерка, которая всегда к ней была слишком добра. – Ну же, не плачь, деточка, мы что-нибудь придумаем!

– Отца нет, Марина Викторовна, и не надо на меня так смотреть! – Майя понимала, что это звучит до ужаса банально, как и вся ее история. – Так уж вышло! Вы можете осуждать меня сколько угодно, но я... Я сама этого хотела, и мне одной за все отвечать. Вот увидите, я справлюсь! Мне бы только до родов продержаться, а потом уже...

Потом она уедет в Испанию. К Пабло Кармино, который давно уже звал ее к себе, но она все откладывала. Не хотела сваливать на него еще и эту проблему.

Она никому не хотела причинять проблем.

Солнышко, звал ее Родька.

Дура, заявила ей Элька, прознав о беременности. Наказала сразу же топтать на аборт, но Майя не пошла, решив оставить ребенка.

Это было шесть с половиной лет назад, а сейчас...

– Это та самая тетя-художница? – спросил мальчишка, дернув Макса за руку. – Красивая! – и тут же потерял к Майе какой-либо интерес. – Па-ап, мне скучно!.. А можно я с тем мальчиком поиграю?

Еще один мальчик примерно такого же возраста сходил с ума от скуки, дергая за руку уже няню – молоденькую и смуглую испанку, с круглыми очками и зачесанными назад черными волнистыми волосами, – давно уговаривая ее прогуляться по этажам.

С Никитой Майя договорилась еще с утра – она возьмет его на выставку с условием, что тот будет вести себя тихо. Слушать Орелию и не доводить ее до нервного срыва, а в восемь вечера они с няней отправятся домой – здесь всего лишь два квартала по освещенным центральным улицам. Там он посмотрит свой вечерний мультфильм и, если мама к этому времени еще не вернется, почистит зубы и ляжет спать без нее.

– Иди, Павлуша, познакомься! – разрешил Макс.

– И чтобы ничего не разрушить! – быстро добавила его жена. – Все должно стоять так же, как стоит.

– Обещаю, мама! – торжественно произнес мальчик, хотя по его виду было понятно, что исполнить обещание ему будет крайне и крайне сложно.

Тут Макс уже заключил ее в крепкие объятия, перед этим ловко сунув в руки жене свою трость. Сжал так, что Майя потеряла возможность дышать. Отпустил, затем торжественно вручил цветы – здоровенный букет белоснежных лилий.

– Так вот, значит, кто у нас наша именинница! – подмигнул ей.

– Какая я тебе именинница, Макс?! – улыбнулась Майя, подумав, что все же рада его видеть.

От Макса за версту несло уверенностью и мужской силой. Майя знала – Элька ей рассказывала, – что он стал вполне успешен. Вернее, они с Артемом чуть ли не с окончания школы работали вместе и много чего добились. Пусть и не стали королями города, но определенно были верховными его правителями в автомобильной сфере.

Начинали с нуля, пригоняли из-за рубежа машины на продажу, затем стали торговать автозапчастями, открыв несколько магазинов и автосервисов. Несколько лет назад выбили региональное дилерство то ли «Ниссана», то ли какой-то другой автомарки, а может, и двух сразу – Майя плохо разбиралась в подобных вещах, – после чего дела даже не пошли, а взлетели в гору.

– И кто же ты у нас? – продолжал допытываться Макс после того, как Майя отдала цветы официантке. – Знаешь, услышал по радио про твою выставку и понял, что не могу пропустить такое мероприятие!

– Художница, – призналась Майя, не пряча улыбку. – Я теперь у вас художница. Поговаривают, с мировым именем и известностью, но, конечно же, врут! Познакомишь? – она с любопытством уставилась на его спутницу.

– Вероника, моя жена, – с явным удовольствием произнес первый бабник школы. – Там бегают Павлик, а ждем мы Софью, – и он любовно погладил жену по круглому аккуратному животу.

Майя пожала руку молодой приятной женщине.

– Мы с ним учились вместе, – сказала ей. – Тот еще был хулиган! Думаю, учителя перекрестились, когда выпустили наш класс.

– И несколько не изменился, – добавила Вероника. – Ваш? – она с улыбкой уставилась на Никиту, который гонялся за Павликом, мешая любителям живописи.

– Мой, – призналась Майя.

Затем вздохнула – мальчишки едва не снесли одну из журналисток, а потом, смеясь, пробежали мимо официантки, и бокалы на ее подносе жалобно звякнули. За ними спешила растерянная Орелия, не справлявшаяся с распалившейся детворой.

– Никита, подойди ко мне! – позвала Майя на испанском. – Мы ведь с тобой договаривались!..

– Павел... – начала отчитывать сына Вероника, но тут Майя внезапно заметила, как вытянулось лицо Макса.

– Что-то не так? – спросила у него, гадая о причине подобного изменения.

– Ну ты, Самойлова, даешь! – ошеломленно произнес тот. – Да ты, Самойлова, просто гений мыслительной науки!

И Майя занервничала. Но стало еще хуже, когда бывший одноклассник внезапно двинулся на нее, прихрамывая, опираясь на свою трость, заставив ее попятиться.

– И почему он об этом еще не знает?! – произнес угрожающе.

– Кто?! Макс, да что с тобой? – нахмурилась Майя.

– Его отец! – рявкнул тот.

Вероника схватила мужа за руку.

– Максим, успокойся! Ты что, уже успел где-то выпить?! Сейчас же прекрати, люди смотрят!

– Смотрят?! Вот и отлично! – произнес Дубовский зловещим голосом. – Вот и я посмотрел, и мне все сразу же стало ясно. Самойлова, ну ты и учудила!

– Макс, я ничего не понимаю!.. – растерянно произнесла Майя.

Врала.

– Зато я понимаю! – заявил он. – Любому идиоту понятно, а она, значит, не понимает... С первого взгляда стало ясно, кто его отец. Я могу только догадываться о реакции Артема, когда он узнает, что у него есть сын.

Майя растерялась. Да, Никитка похож на отца, но она и не подозревала, что это настолько заметно. Ее сын был смуглым и темноволосым, и глаза у него серые, как и у Артема, но ведь это вовсе ничего не означает!..

В Барселоне она долго раздумывала, брать ли с собой сына. Уж очень ей хотелось показать ему родину, поэтому Майя решила, что сходство не имеет особого значения. Смуглый и темноволосый Никитка вполне мог быть от испанца с горячей кровью.

– Нет же, Макс! – покачала головой Майя, постаравшись, чтобы голос прозвучал как можно более спокойно. – Артем тут вообще ни при чем. С чего ты взял?! Мы с Пабло...

Услышав свое имя, ее менеджер повернулся в их сторону, выдав улыбку в тридцать два отбеленных зуба. Пабло старательно следил за собой и для своих лет был вполне бодр, поэтому Майя и решила...

– Хочешь сказать, что родила от гея? – ухмыльнулся Макс, невероятным образом догадавшись об ориентации Пабло. – Самойлова, ты хоть мозг мне не крути, у меня своих извилин хватает! Не представляю, что с тобой сделает Артем, когда узнает...

Озвучить свою версию Дубовский не успел, потому что Майя его увидела. Это было настолько неожиданно, что она даже потеряла дар речи.

Потому что поняла: прошлое ее все же настигло.

В Барселоне Майя самонадеянно думала, что способна выдержать любые удары, но этот оказался такой силы, что, несмотря на весь свой титановый стержень, она все-таки покачнулась на огромных каблуках дорогущих туфель.

Потому что, миновав охранника на входе, в просторном зале появился Артем Спасский. Нашел ее взглядом и уверенно двинулся в их сторону. Лицо у него было такое, что Майе на миг захотелось повернуться к Спасскому оголенной спиной в дивном Диоровском платье, предмете Элькиной зависти, и сбежать с собственной персональной выставки.

Куда – Майя еще не знала; да хоть в окно!

Его появление было настолько невероятным – а ведь она почти уговорила себя, что они никогда не пересекутся в городе-миллионнике! – что Майя вначале отказывалась верить своим глазам.

Но затем все-таки поверила и решила, что никуда она не побежит. Трудности достаточно ее закалили, и она сможет без страха взглянуть в темно-серые глаза Артема Спасского.

Но он был здесь, и ей все-таки пришлось смириться с неизбежностью.

Затем Майя решила, что никуда от него не побежит и что трудности достаточно ее закалили, поэтому она сможет без страха взглянуть в темно-серые глаза Артема Спасского.

Стояла и ждала, когда он подойдет, не слушая, о чем твердит ей Макс.

Смотрела.

Артем производил такое же завораживающее впечатление, как и в тот самый день, когда с ней случилось «это» – в седьмом или восьмом классе, стоило ему занять соседнее место на задней парте. Движения были уверенными, отточенными – словно у вышедшего на охоту хищника – похоже, сказывались многолетние тренировки. Одет стильно, дорого – блейзер, светлая рубашка под ним, темные джинсы.

Впрочем, на одежду Майя не смотрела, впилась нервным взглядом в красивое, с мужественными чертами лицо. Увидела, как он уставился на ее сына – и его тоже! – после чего посмотрел ей в глаза.

И Майя поняла, что Артем все знает. Сам догадался или кто-то рассказал – это было уже неважно.

И она замерла, размышляя – что он ей сделает?!

В том, что со Спасским будут проблемы, она не сомневалась. Но что он может сделать, если Майя не... крутила ему мозг, как выразился Макс? Наорет? Окатит ледяным презрением? Или же попытается отнять у нее сына?

Нет, строго сказала себе Майя, этого не произойдет. Пусть только попробует! Первобытные времена, когда все решала грубая сила, канули в лету. У нее тоже водились деньги и найдутся отличные адвокаты, если дело дойдет до суда.

Иногда она уже размышляла о подобных нерадужных перспективах и решила, подобное ей не страшно. Он все равно ничего не сможет сделать.

Да и зачем ему что-то делать?

Быть может, они просто поговорят, как цивилизованные люди? Выяснят все раз и навсегда, раз уж не получилось тогда, шесть лет назад?

Только вот, как оказалось, налет цивилизации у Артема Спасского был слишком тонок, потому что вместо приветствия он схватил ее за руку. Серые глаза недобро сузились.

– Ты что?! – выдохнула Майя неверяще, когда мужские пальцы до боли сжали ее запястье. – Отпусти сейчас же! Синяки останутся...

– Переживешь! – заявил он ледяным тоном, на что его компаньон жизнерадостно ухмыльнулся.

Затем Артем развернулся и, не говоря ни слова, повел ее к выходу. Вернее, потащил.

От подобного обращения Майя порядком опешила.

– Куда ты меня тащишь? Спасский, да что с тобой?! Ты с ума сошел?

Пабло, стоявший неподалеку, занервничал. Двинулся было к ним, но Майя покачала головой. Артем был ее проблемой, ей с ним и разбираться.

– Со мной все в порядке, – голос у Артема был холодным, под стать выражению его лица. – А у тебя, Самойлова, как я погляжу, провалы в памяти. Значит, забыла мне сказать? Так и не вспомнила за целых шесть лет? Хорошо, хоть добрые люди нашептали...

Все было совсем не так, хотела возразить ему Майя, но вместо этого спросила:

– Какие еще добрые люди?! Черт, Спасский, я сейчас навернусь с каблуков, и моя смерть будет на твоей совести!

Скорость он все-таки сбавил, но продолжал уверенно двигаться к выходу.

– Прогуляемся, – наконец, сообщил ей. – Побеседуем с тобой о смысле жизни и о моем сыне.

Ни о высших материях, ни о Никите говорить с ним Майя не собиралась.

– С чего ты вообще решил, что у тебя есть сын?! Вернее, что у тебя есть ребенок от меня?

– Потому что у меня есть ребенок от тебя, – заявил он уверенно.

– Спасский, не кажется ли тебе, что ты слишком уж высокого о себе мнения?!

Вместо ответа Артем молча дотащил ее до выхода. Флегматичный охранник в дурацкой ливрее распахнул перед ними двери, а Майя подумала: одно ее слово, и они уже никуда не пойдут.

Но затем решила, что поговорить им все-таки стоит. Раз уж прошлое ее настигло, придется это как-то разруливать.

Глава 2

Шесть с лишним лет назад

Элке даже не пришлось ее долго уговаривать. Вернее, слишком долго.

Майя сперва протестовала, заявив подруге, что у нее как раз смена в роддоме, да и надеть ей нечего. Не может она поехать, и все тут! Так что на этот раз без нее.

Но затем услышала волшебное «Артем Спасский тоже будет», после чего все сразу как-то быстро сложилось. Майя придумала, кто сможет ее подменить – на днях она брала Ниночкину смену, когда у той подошла очередь в поликлинике, и коллега была готова отдать долг в любое время. К тому же заветное платье на одной из витрин модного магазина после вырванных за последнюю картину денег больше не казалось Майе за пределами дорогим.

И она решила – поедет!.. Купит чертово платье и отправится на дачу к депутатскому сынку Игорехе Зимину, где соберутся ее одноклассники после четырехлетнего расставания.

Кстати, их выпуск, несмотря на то, что их ругали почти все учителя, оказался хорошим, сильным. Почти все поступили в ВУЗы, кроме сестер Бабаян, отбывших на историческую родину в жаркую и загадочную Армению, и еще парочки, уехавших вслед за родителями в поисках лучшей жизни в противоположные части света.

Одна лишь Элька через год после окончания школы выскочила замуж, после чего радостно осела на шею у обеспеченного мужа, забросив экономический, куда поступила по маминой протекции. Муж оказался старше ее лет на двадцать пять и вызывал у Майи искреннее недоумение своей лысиной, пивным животом, обрюзгшими щеками и занудным голосом.

Зато у него за душой водился целый колбасный завод... Вернее, мясообрабатывающий комбинат, и Элька уверяла, что ее страстной любви хватит на всех – и на мужа, и на комбинат.

Правда, семейное счастье продлилось недолго. Через полтора года они уже принялись разводиться, что сопровождалось страшными скандалами, Элькиными истериками и испорченными нервами. Майе, терпеливо служившей подушкой для слез и внештатным психотерапевтом для подруги, тоже порядком досталось.

Наконец, развелись.

Элька отсудила у бывшего мужа однокомнатную квартиру в центре и приличную сумму, осевшую на ее банковском счету. «На первое время хватит, – заявляла подруга, когда забежала к Майе – веселая, беззаботная и свободная, – принося безумно дорогие пирожные из модной кондитерской. – А на второе снова кого-нибудь подцеплю!»

В университет Элька возвращаться не собиралась, вместо этого направила свою неуемную энергию на поиски новой жертвы, способной обеспечить достойный, по ее меркам, уровень жизнь.

Мясокомбинат она считала пройденным этапом, на этот раз нацелившись значительно выше. Встречалась с бывшим одноклассником, Игорехой Зиминим – ленивым и флегматичным парнем, от которого Майя в школьные годы частенько получала портфелем по голове за то, что не давала списать домашку, а в старших классах – сомнительные комплименты из разряда: «А ничего такая жопень! И сиськи, Самойлова, у тебя тоже зачетные!»

Впрочем, у других они были намного зачетнее, поэтому Зимина – как только его отец дорвался до власти – быстро пристроили в правильные руки.

Майе, заработков и мизерной стипендии которой хватало лишь на то, чтобы заплатить за квартиру и более-менее регулярно питаться, Зимин с его деньгами и связями казался инопланетянином. Из другой галактики, которая, по законам мироздания, с ее уж никак не пересекается.

Поэтому на дачу к Зимину ехать она не собиралась, но, услышав, что Артем тоже будет, передумала. И не только потому, что жутко соскучилась – она не видела Спасского четыре года.

У нее тоже была радость.

В Художественной Академии ее работы считали талантливymi и прочили большое будущее. Но Майя не стала ждать завершения учебы. Собравшись с духом, написала Пабло Кармильо, бывшему папиному другу, с которым отец общался до того, как стал регулярно «употреблять», и послала испанцу снимки своих работ.

А дальше все так закрутилось...

Настолько, что сулило невероятный, сказочный поворот в жизни. Пабло предсказывал ей большое будущее, настаивая на том, чтобы Майя переезжала в Барселону и заканчивала обучение уже в Испании.

Она пока еще не до конца решила, но собиралась согласиться.

Именно по этому поводу – а еще потому, что скоро увидит Артема, – Майя и купила то самое платье – мягкое и пушистое, голубого цвета, идущее к ее золотистым волосам, спадавшим почти до пояса, и обтягивающее худенькую, хрупкую фигурку. Сапоги тоже были, причем, почти новые – приобрела на сезонной распродаже еще весной, получив деньги за одну из картин.

Добиралась до приморского городка Майя на электричке. Именно там, в дюнной зоне, засыпанная октябрьскими листьями, стояла дача Зиминых, обнесенная железным забором, с охраной и сторожевыми собаками – трехэтажная ода богатству и власти, с каминным, танцевальным и бильярдным залами, крытым бассейном и джакузи.

И, конечно же, полным баром, щедро открытым для гостей депутатского сына.

Об этих и других чудесах Майя уже была наслышана от Эльки, многократно «зависавшей» на даче у Игорехи, пока там не было его родителей. Вот и сейчас те уехали то ли в Бангкок, то ли в Пхукет, оставив дом на откуп сыну.

По словам Эльки, встреча одноклассников обещала быть знатной.

Только вот, как оказалось, не для всех.

...На дачу в тот вечер Артем приехал не сразу – Майя уже успела многократно пожалеть, что согласилась на сомнительную затею. Потому что вместо обещанного Элькой целого 11 «А» класса в особняке Зимина собрались лишь самые его «сливки». Элита, к которой Майя не имела никакого отношения.

Шестеро, если считать вместе с ней.

Игореша Зимин, в отсутствие родителей барином встречавший гостей на парадной лестнице.

Кристинка Баранова – единственная из их класса, кто соревновался с Элькой за звание королевы красоты. В школе Майя даже мечтала написать ее портрет – Баранова была чудо как хороша. Высокая, стройная, тонкая, словно тростинка, льняные волнистые волосы до спины, голубые «кукольные» глаза, умело подчеркнутые дорогой косметикой.

Но передумала – невзлюбила Баранову в тот самый момент, когда Артем серьезно ею увлекся. Настолько, что даже пригласил ту на выпускной. Майя тогда пошла с Родькой, но на дачу к Зимину Роданов приехать не смог: заболел, ангина...

Были еще Каролина Манская, Серега Гучаров и Пашка Воронов – дети обеспеченных родителей, в школьные годы воротившие от нее нос. Да и сейчас ничего не изменилось.

– Развлекайся, Самойлова! – хозяин дома сунул ей в руки бокал с виски.

– Ничего так платье! – усмехнулась подошедшая Кристинка, когда Майя обозревала гостиную, куда более подходящую на музей, – дубовая антикварная мебель, картины, статуи, ковры, старинные часы с кукушкой, только что отбившие семь часов вечера. – Украла, наверное? Кстати, Ветлицкая говорила, ты моешь полы в роддоме. Можешь и у меня помыть заодно, уборщица как раз заболела.

На ней был дорогуший наряд – серебристое ультракороткое платье и дизайнерские сапоги с пайетками до колен.

– Украла, конечно! – вяло отозвалась Майя. – Где бы мне его еще взять? А полы, Кристина, я пока помыть не могу... График у меня слишком плотный. Тут такое дело, все на год вперед занято! В городе оказалось слишком много грязных полов.

И слишком много грязных ртов, хотела добавить Майя, но промолчала. Решила, что нет смысла связываться. Покрутила в руках бокал, раздумывая, не отправиться ли ей сейчас на станцию.

Артем так и не появился, и если она тихонечко уйдет, этого все равно никто не заметит.

Но тут к дому подъехала машина, а в ней – Макс Дубовский и Артем. И Майя решила, что еще немного побудет.

...Потом она много раз себя спрашивала, что именно произошло на той вечеринке. Что с ней случилось после пары глотков виски, от которых запершило в горле – последний раз Майя пила на похоронах мамы; это было церковное вино, смешанное с ее слезами, – из-за чего внутри сразу же стало тепло и весело, а мир заиграл новыми красками.

Настолько яркими, что хоть сейчас бери в руки кисти и рисуй...

Но она не стала даже доставать свой извечный блокнот – наоборот, наслаждалась тем, что все изменилось и что внезапно все стали... почти ее друзьями. И шутки Зимина, которого она с первого класса считала пустоголовым идиотом, неожиданно показались ей смешными, а темноволосая и манерная Каролина – та еще зазнайка из семьи владельца бензоколонок – вполне приятной в общении.

И даже Кристина Баранова больше ее нисколько не раздражала.

Наверное, потому что не заинтересовалась прибывшим Артемом. Вместо этого принялась обхаживать Игореху, из-за чего Элька порядком бесилась. А еще ее единственная подруга почему-то двоилась, появляясь то там, то сям.

Но Майя знала, у Барановой ничего не выйдет – Элька крепко вцепилась в Игореху намякюреными пальчиками и не собиралась его упускать. Через пару дней они улетали то ли на Маврикий, но ли на Бали – инопланетные для Майи названия! – причем на целый месяц, спустить деньги папы-депутата.

Но куда больше Майю радовала ее собственная смелость.

Потому что она нашла в себе силы подойти к Артему и устроиться рядом с ним в большом кресле, к чему тот отнесся вполне благосклонно. Положил ей руку на плечо, как никогда не делал раньше. Прижал к своему крепкому, теплому боку, и Майя сидела, замерев от счастья, боясь пошевелиться.

Вскоре все разбрелись кто куда – разделились по парочкам, кто-то играл в бильярд, кто-то отправился плескаться в бассейне – и они остались с Артемом одни. Он долго рассказывал, крутя в руках бокал с тем самым виски, а Майя внимательно слушала, как они с Максом делают бизнес.

Начинали они с машин. Денег не было совсем, поэтому часть заняли у родителей, часть – под грабительские проценты. Но все вернули, после чего стали еще и торговать запчастями, обзавелись автосервисами, а пару дней назад подписали важный контракт, открывавший перед ними небывалые возможности. В скором времени они с Максом планировали построить свой первый дилерский центр, а затем обязательно будет и второй!

Артем снова называл ее Марусей, и Майино сердце сладко замирало, когда она представляла, что это будет длиться всегда. Он вот так станет приходить с работы и рассказывать ей, как идут дела в их с Максом компании, а она...

Майя тоже ему что-нибудь расскажет. Например, что ее картины Пабло находил очень и очень перспективными, и она тоже получила крайне заманчивое предложение. Путевку в новую жизнь, потому что многие считали ее по-настоящему талантливой.

Но, кажется, Майя так ничего Артему и не рассказала.

Лишь то, что уезжает в Испанию. Скорее всего, насовсем.

...Позже уже Майя решила, что в том виски, который щедро разливал гостям Зимин, были подмешаны наркотики. Иначе бы она ни за что не стала целоваться с Артемом... Вернее, стала бы, но не потеряла голову до такой степени, что в мире не осталось ничего более важного... Кроме его умелых, ласкающих ее рук, его поцелуев и заверений, что она невероятно красива и всегда, всегда ему нравилась.

Правда, противный внутренний голос попытался разрушить волшебство, намекая, что прошло уже четыре года с их последней встречи. Так уж ли сильно она нравилась Спасскому, если он ни разу ей не позвонил, а на выпускном все время уделял только Барановой?

Но Майя не хотела слушать глупый внутренний голос, потому что Артем говорил, что всегда понимал – с ней можно только всерьез – и не был к этому готов. Зато сейчас вполне...

Настолько, что его поцелуи становились все более и более настойчивыми, руки давно уже хозяйничали под ее платьем, а она попыталась стянуть с него рубашку, чтобы добраться до его крепкого тела.

Все же опомнились, потому что из соседнего кресла на них с усмешкой поглядывал Воронов и даже пытался давать советы. Затем была какая-то комната, которую уже заняла другая парочка. Майя так и не поняла, кто там был. Подумала, что Игореха, но уж точно не с Элькой – ту она видела на лестнице.

Быть может, Макс Дубовский... Но с кем? С Каролиной или же Кристинкой Барановой?

Но это перестало ее волновать, потому что они нашли пустую спальню. И все взорвалось – мир вспыхнул сверхновой, наполняя ее светом...

Майя толком и не помнила, как прошел ее первый раз и было ли ей физически хорошо. Осознание того, Артем наконец-таки принадлежал ей – только ей! – приносило с собой невероятно острое чувство морального удовольствия.

Настолько сильное, что оно в разы превосходило физическое.

...Затем он все же заснул, расслабленный и спокойный, прижимая ее к себе. Но Майя осторожно выпуталась из его объятий – ей хотелось его видеть.

Она долго сидела, упиваясь ощущением всеобъемлющего счастья, разглядывая его умиротворенное, красивое лицо, длинную руку с сильными пальцами, смугловатую кожу, узкие бедра и мускулистую спину. Захотела снова прикоснуться к рельефным мышцам, но побоялась потревожить его сон.

Мечтала, что однажды нарисует его портрет.

Так долго, пока не протрезвела.

Осознание того, что натворила – переспала со Спасским! – ударило сильнее, чем нож врага. Потому что, если бы они не перебрали, ничего подобного не случилось. Артем никогда бы не стал с нею заниматься любовью – с Марусей-то Самойловой...

Но она не собиралась ни о чем жалеть!

А еще Майе не хотелось разрушать волшебство. Не хотелось его утреннего недоуменного взгляда, скомканного приветствия и озадаченного вида, поэтому она кое-как натянула на себя одежду, радуясь тому, что Артем был пьян и не смог «по достоинству» оценить ее заношенное белье – нетерпеливо стащил, расстегнул, отбросил в сторону, стараясь поскорее добраться до ее тела.

Да и она тоже... Тоже хотела поскорее до него добраться, прикоснуться, целовать, ощущать тепло его кожи. Получить его в полное, пусть и короткое, но всецельное владение!

Поэтому Майя и не чувствовала себя отброшенной в сторону. Все правильно, сказала она себе. Я давно уже об этом мечтала. Он – мой соблазн, и я наконец-таки его получила. Гештальт закрыт, и теперь можно со спокойной душой улетать в Испанию.

Правда, до этого еще было далеко.

Сперва она тихонечко выбралась из особняка, сообщив безликому охраннику у ворот, что до станции доберется сама. Тот окинул ее изучающим взглядом, после чего выпустил из калитки в прибалтийскую ночь, видимо, решив, что она вряд ли унесет из дома что-либо ценное.

Но Майя еще не знала, что все-таки кое-что она унесла. Узнала об этом через две с половиной недели, когда держала в трясущихся руках тест на беременность, уверенно показавший ей две полоски.

Затем был второй тест. Еще один и еще... Полоски становились все жирнее, и с каждым днем Майя все больше скатывалась в отчаяние.

Артем, конечно же, ей так и не позвонил, но такой милости от него она и не ждала. Это был ее соблазн, ей за него и платить! Вернее, рожать и воспитывать, потому что Майя решила оставить ребенка. Мысль о том, чтобы убить маленькое существо, поселившееся у нее в животе, вводила в такой ступор, что она отбросила ее сразу же и навсегда.

Правда, деньги у нее привычно не водились, но до родов было еще целых... Еще уйма времени, строго сказала себе Майя, и она заработает столько, сколько нужно. В Испанию она тоже пока не полетит. Сделает это позже, когда сынишка окрепнет.

В том, что у нее будет мальчик, она не сомневалась.

Засомневалась лишь однажды, когда все-таки решила, что Артему стоит узнать. Только вот его старый номер был отключен, а нового у нее не было. Стала звонить Эльке – та всегда и все обо всех знала, – но переадресация включалась так долго, пока Майя не вспомнила, что подруга укатила с инопланетянином Зиминим то ли на Бали, то ли на Маврикий. Причем на целый месяц.

Родька тоже уехал – выздоровел и укатил в Швецию по студенческому обмену до конца учебного года, и у него уже было не спросить.

Помыкавшись, обзвонила своих бывших одноклассниц, чьи контакты нашла в старой записной книжке, но нового номера Артема никто не знал. Ни его, ни Макса Дубовского. Майя даже почему-то вспомнила о маме Эльки. Позвонила той на домашний, решив, мало ли... Дарья Владимировна всегда была крайне строгой и ответственной женщиной. Руководила огромным заводом и по привычке продолжала контролировать Элькину жизнь, хотя та давно уже выросла. И телефоны Элькиных друзей тоже записывала.

Но и Дарья Владимировна не знала нового номера Спасского!..

Майя уже стала подумывать, а не навестить родителей Артема – как-то была у того на дне рождения, еще в школе, в классе так девятом или десятом. Но ехать ей никуда не понадобилось, потому что неожиданно пришло СМС от неизвестного абонента. В сообщении был номер телефона с короткой припиской: «Артем Спасский».

И все.

Решив, что кто-то из одноклассниц над ней все же сжалился, Майя набрала заветный номер. Ответил ей звонкий женский голос.

– Можно поговорить с Артемом Спасским? – растерянно спросила она, подумав, что все-таки номер оказался неправильным.

– А кто его спрашивает? – поинтересовались на том конце. – Артема сейчас нет дома.

– Его одноклассница, Майя Самойлова, – убито произнесла Майя. – Можете ему передать... – но тут она осеклась.

...Зачем ей что-то передавать, если чуда не случилось и номером она не ошиблась?! Зачем, если у той, кто ей ответил, оказался слишком уж хозяйский тон, словно она имела полное на Артема право?!

И пусть у него на пальце в тот вечер не было обручального кольца и о своей невесте Артем с ней ни разу не заговорил... Только о работе и о том, какой Майя стала красивой.

Зато в телефоне она слышала совсем другое.

– Слушай меня, шалава! Никогда сюда больше не звони и его не ищи, – проникновенно сообщили ей в трубке. – Он – мой! Еще один звонок, тварь, и я тебя прикончу! Найду и придушу собственными руками. Тебе все понятно? Вразумела?

– Вразумела. Мне все понятно. Большое спасибо! – машинально отозвалась Майя, после чего нажала на «Отбой».

Больше Артему она не звонила.

Глава 3

...Случившееся на даче у Зимина давно уже было ею выстрадано, пережито, оплакано и похоронено. Майя привыкла к тому, что Никита – только ее сын, у которого никогда не было отца. Существовали лишь ее соблазн, который она и получила; быстрое зачатие, чьи детали давно стерлись из памяти, покрытые алкогольно-наркотической дымкой.

Зато Майя отлично помнила бессонные ночи, лезущие зубы, детские болячки и памперсы по цене золота на фоне полнейшего отсутствия денег. И не было никого, кто бы мог прийти ей на помощь.

Но во всех своих трудностях она винила только себя одну.

И Майя выкарабкалась, выжила, вырастила, выбилась в люди и... теперь не понимала, что делает Спасский в ее размеренной и налаженной жизни. Откуда он появился? Что ему надо?! Куда он ее тащит, в конце-то концов?! Да и зачем?

Ведь она никогда ему не была нужна – ни в школьные годы, ни после их короткой, но бурной встречи на вечеринке у Зимина. Тогда к чему это его рассерженное, такое красивое лицо?

Потому что сейчас он тоже не был нужен.

Ни ей, ни ее сыну.

...Артем тем временем уверенно вел ее к лифтам. Шагал так быстро, что она едва поспевала на высоченных каблуках. Стальные пальцы все так же впивались в ее локоть, и напрасно Майя уверяла Спасского, что никуда не сбежит – отпускать Артем ее не собирался. Ткнул в светящуюся кнопку вызова, буркнув, что они немного прокатятся. На верхний этаж, где под открытым небом находился летний ресторан.

– Зачем?! – в который раз спросила она, когда лифт покорно распахнул двери и Артем затащил ее внутрь.

– Обсудим дела минувших лет, отозвался он коротко.

Тут прибыл еще один лифт, из которого высыпали ее гости, и Майя окончательно заскучала. На миг даже промелькнула шальная мысль позвать на помощь, но она себя одернула.

Они просто-напросто поговорят, пообещала себе, и она что-нибудь придумает. Наврет с три короба, чтобы Спасский окончательно от нее отстал, после чего вернется к своим гостям.

Он ведь... не варвар?!

Тут Майя покосилась на Артема и, поймав ледяной взгляд его серых глаз, серьезно в этом засомневалась.

Железные створки лифта сомкнулись, и она осталась с варваром-Спасским наедине. Лифт тронулся, и ей окончательно стало не по себе. Майя, за долгие годы изучившая все оттенки его настроения, знала: Артем вне себя от злости.

Но что он от нее хочет? Неужели предъявит свои права на ее ребенка?!

От этой мысли стало настолько дурно, и она даже покачнулась на высоченных каблуках. Крепкие пальцы Спасского сильнее сдавили ее запястье, не давая упасть. Впрочем, Майя быстро пришла в себя.

Никто его у меня не заберет, сказала себе строго. Никита – только ее сын, а не этого... дикаря!

Двери снова распахнулись, и они вышли из стальной коробки в вечерний мир негромкой музыки, перезвона хрустальных бокалов и пятизвездочного вида на древние соборы и черепичные крыши Старого Города. Угошливый официант поманил их за собой к единственному свободному столику в дальнем углу.

– Предложить вам выпить? – поинтересовался любезно, как только они расселись и Майя нервно расправила подол черного платья.

- Черный кофе и мартини с водкой, – ответил за двоих Артем. – Меню не нужно. Майя пожала плечами. Кофе без молока она терпеть не могла, а насчет мартини...
– Не рановато ли для алкоголя? – спросила у него. – Как там твои... тренировки?
– Мартини для тебя, – мрачно сообщил ей Спасский. – Пригодится.

Она собиралась было ответить, что совсем не пьет – если только пару глотков шампанского на открытии своих выставок. Того раза у Зимина за глаза хватило, да и боится она дурной наследственности... Но промолчала.

Решила, что на этот раз и в самом деле не помешает.

– Итак, я внимательно тебя слушаю! Можешь уже начинать рассказывать, – разрешил ей Артем.

– Что именно ты хочешь от меня услышать?

– Твою версию того, что случилось шесть лет назад, – заявил он, и Майя посмотрела ему в глаза.

Шесть лет не прошли для Спасского бесследно. Он возмужал, если можно так сказать. Стал куда более уверенным, спокойным, и от этой его уверенности по спине расплзался противный, нервный холодок.

Он был опасен. От него следовало держаться подальше, и чем скорее Майя начнет, тем будет только лучше для нее и для Никиты.

– Мы с тобой переспали, Спасский, если вдруг тебе изменяет память, – пожала она плечами. – Иногда такое случается между мужчиной и женщиной. Затем... – запнулась, не зная, стоит ли упоминать о том злосчастном звонке, когда она премило пообщалась с его любовницей.

– Затем ты уехала, – подсказал он.

– Уехала, – согласилась Майя. – А ты хотел, чтобы я с тобой попрощалась? Оросила слезами твое мужественное плечо? Может, мне стоило еще и извиниться за то, что я тебя соблазнила?

От тяжелого взгляда ей захотелось закурить, хотя Майя никогда не курила.

– Не стой из себя дуру, Самойлова! Хотя, что ее строить, если ты и так уже...

– Что тебя от меня надо, Спасский? – спросила Майя устало. – Говори уже быстрее! У меня полная галерея гостей. Заметь, среди них есть и покупатели. Так что не порти мне бизнес!

– К черту твой бизнес, – отозвался он безразлично. – Я хочу понять, почему ты скрыла от меня факт рождения моего ребенка.

– С чего ты решил, что у тебя вообще есть сын? – нервно пожала она плечами. – Вернее, может, он у тебя и есть, но я-то тут при чем?

– Не строй из себя дуру... – начал он, но Майя его перебила.

– Мы уже выяснили, что для этого мне не надо ничего из себя строить. Блондинка от рождения, – Майя потянула себя за длинный белокурый локон. – Спасский, ты несешь полнейший бред, и с меня, пожалуй, на этом хватит! Пойду-ка я, а кофе и водку ты уж как-нибудь сам...

Собиралась было подняться и уйти, но холодный голос заставил ее остаться на месте.

– Никита Самойлов. Дата рождения – двенадцатое июля 2016 года. Второе отделение Н-ского Городского Роддома. Мать – Майя Самойлова. В графе «отец» прочерк. А теперь, Самойлова, будь добра, вспомни, какая оценка у меня была по математике? – Кажется, по точным наукам у него всегда было «отлично». – Или же ты думала, что я не в состоянии взять очевидные девять месяцев, прибавить их к даче Зимина и нашему с тобой сексу, после чего связать это с рождением сына?!

Майе стало нехорошо.

– Откуда ты вообще об этом знаешь?!

– Выяснил через свои каналы, – отрезал он. – И теперь я хочу услышать хотя бы одно разумное объяснение произошедшему.

Она пожала плечами, потому что объяснять ничего не собиралась.

– Тебе не приходило в голову, что это не твой сын? Да, на даче Зимина у нас с тобой случился... гм... незапланированный секс, но Никиту я родила от другого. С чего бы мне было вообще тебе что-то сообщать? Может, я и дура, но не настолько сволочь, чтобы шантажировать тебя чужим ребенком!

– Не приходило, – отозвался он холодно. – Но для окончательного прояснения ситуации мы все дружно сделаем анализ ДНК.

На это Майя украдкой вздохнула. Никаких анализов можно было и не делать. То, чей это сын, видно невооруженным взглядом – Майя и не предполагала, что они с Никитой окажутся настолько похожими!

– Это все равно ничего не даст, – покачала головой. – Можешь попробовать, но...

– Я попробую, – заявил он.

– Попробуй, – разрешила она, после чего собиралась уже было уйти, но не тут-то было!

– Еще рано, Самойлова, сядь! Я так и не услышал от тебя ни одного вменяемого объяснения твоим действиям.

И Майя подумала...

Если уж он хочет объяснений, быть может, озвучить ему то место, куда послала его любовница или невеста, когда она попыталась до него дозвониться? Или же рассказать, как долго она по нему страдала и как сильно ранило его безразличие, когда в школьные годы Артем постоянно смотрел на других, а не на нее? Рассказать, что она настолько привыкла к его невниманию, что, узнав о беременности, сразу же поняла: у нее все так же нет ни единого шанса...

Потому что Майя всегда хотела его любви, а не жалости.

Но и гордость у нее тоже была, поэтому она и решила, что ребенок будет только ее.

Майя молчала, и Спасскому это не слишком пришлось по душе.

– Я все еще хочу понять, – произнес он угрожающе, – почему о существовании своего сына я узнаю из анонимного звонка, а не от его матери?

– И кто же это... такой заботливый тебе позвонил? – спросила Майя вместо ответа.

О том, что он отец ее ребенка, знала только Марина Викторовна, но старой акушерке рассказывать Спасскому о Никите не было никакого резона. Если только Элька проболталась, но та поклялась чуть ли не на крови, что Артем никогда и ни о чем не узнает...

Но, как оказалось, он все же узнал.

– Самойлова, меня не оставляет впечатление, что немного не догоняешь! – заявил грубо. – Речь сейчас идет не о том, кто мне звонил, а почему не позвонила ты.

Майя возмущенно открыла рот, но тут возле из столика появился официант с подносом, взглянул на них встревоженно.

– У вас все в порядке? – спросил дрогнувшим голосом.

Устался на Майю, но та лишь пожала плечами. Потому что у нее больше ничего не было в порядке. Ее размеренная и устроенная жизнь катилась под откос, и виноват во всем в этом был Артем Спасский, с вальяжным видом заявивший, что у них все отлично.

Официант поставил на их столик martini и кофе, и, бросив на Майю извиняющийся взгляд, удалился.

– Артем... – снова начала она, но Спасский ее перебил:

– Неужели было так сложно поднять трубку и позвонить мне перед отъездом в свою гребаную Испанию?! Неужели было сложно позвонить мне оттуда? Неужели ты так и не нашла ни одной свободной минуты за эти шесть лет, чтобы сообщить мне, что у меня есть сын?

– Я пыталась... – произнесла она, но тут вспомнила, как ее отшила девица – то ли любовница, то ли бывшая невеста, потому что обручального кольца у Спасского не было, и замолчала.

– Что именно ты пыталась?

Под его давящим взглядом говорить ей и вовсе расхотелось. Он не имел никакого права на нее так смотреть и тем более что-то от нее требовать!

– Ничего, – глухо отозвалась Майя. – Наш разговор окончен.

Собиралась было подняться, но Артем снова схватил ее за руку.

– Никуда ты не пойдешь, – заявил холодно. – Будешь сидеть здесь и думать над своими ошибками. Затем мы дружно отправимся в лабораторию и сделаем анализ ДНК.

По его взгляду Майя поняла, что Спасский не шутит. Он ведь потащит их с Никитой в лабораторию, а это... Это совершенно не входило в ее планы, потому что она не собиралась впутывать в их дразги еще и ребенка!

И что ей теперь со всем этим делать?

– Хорошо, – прикусила Майя губу. – Допустим, у тебя есть сын, но это совершенно ничего не меняет...

– Еще как меняет! – заявил Артем удовлетворенно. – У меня на него такие же права, как и у тебя.

– Только попробуй!.. – начала она.

– Попробую, – пообещал он. – И денег у меня хватит – пробовать и пробовать до тех пор, пока я не получу то, что хочу.

– Ты его у меня не отберешь! Никита – мой сын, к тому же, он – гражданин Испании, так же, как и я, поэтому... Все закончится тем, что мы погрязнем в судебных проволочках.

Майя уже консультировалась с юристами и знала, что отобрать у нее ребенка теоретически невозможно, но подозревала, что от Спасского можно ожидать чего угодно.

– Погрязнем, – согласился Артем. – Но это доставит мне огромное, невообразимое удовольствие... Наконец-то увидать, что признаешь свои ошибки!

– Я не знала, что у тебя такие сложные сексуальные предпочтения! – рявкнула на него Майя, нисколько не заботясь о том, что их могут услышать за соседними столиками.

И тут же поймала его взгляд... Таким образом Спасский никогда еще на нее не смотрел – беззастенчиво разглядывал ее грудь, подчеркнутую черной материей, скользнул вверх по высокой шее, затем уставился на ее губы.

И с ней что-то произошло. Странное, неконтролируемое чувство, горячая поземка, взявшая старт где-то в центре груди и стремительно расползавшаяся по всему телу, неся с собой тепло.

Но Майя тут же все прекратила. Уничтожила, задушила в зародыше непростительную слабость.

«Это», сказала себе строго, давно уже закончилось. Я переболела любовью к Спасскому, и испанский берег меня окончательно излечил. Я не стану входить в одну и ту же мутную реку дважды и не позволю ему взять надо мной верх! Спасский – мой враг, и мне нельзя расслабляться, пока не выясню, что именно он добивается.

– О моих сексуальных предпочтениях мы поговорим позже, – заявил он. – Пока что речь идет о моем сыне. Я не собираюсь его отнимать, – на это Майя облегченно вздохнула, – но я хочу его видеть. Все время, пока вы будете в Н-ске.

– А... не слишком ли ты много хочешь?!

Подобного заявления она не ожидала, но, по крайней мере, это было не настолько ужасно, как те картины, которые Майя успела нарисовать в голове. Все они были о бесконечной судебной тяжбе и перетягивании Никиты друг у друга.

– Не перебивай меня, Самойлова! – Артем все еще злился. – Я заеду к тебе завтра утром. В десять утра, и мой сын проведет со мной весь день. Вернее, все шесть дней, пока будет длиться твоя выставка.

И Майя в очередной раз поразила его осведомленности, а еще тому, что чья-то наглость не имела пределов.

– Если ты думаешь, что я отдам тебе Никиту на это время, ты сошел с ума!

– Шесть дней, – произнес он, – как компенсация за те шесть лет общения с сыном, которые ты у меня отняла.

Они уставились друг другу в глаза.

– Нет!

– Еще как да, Самойлова! Но, так и быть, ты сможешь присутствовать при наших встречах.

Майя хмыкнула, затем потянулась к бокалу.

– А тебе не будет слишком жирно, Спасский?

– Еще по-божески, – усмехнулся он. – Но если ты не хочешь по-хорошему, то мы будем меряться юристами. Я в любом случае получу возможность видеться со своим сыном, даже если это будет через суд.

Судя по его уверенному виду, Артем думал, что так и будет. Но, самое страшное, Майя не очень-то хотела это проверять.

Молча допила свой martini, хотя по вкусу коктейль состоял почти из одной водки. Подумала отстраненно, что, если посмотреть на эту ситуацию с Марса, а то и с Юпитера или же с границ их Солнечной Системы, у Спасского была серьезная причина ее ненавидеть. Если кто-то не давал бы ей видеться с сыном целых шесть лет, она бы порвала этого человека на мелкие кусочки!..

Водка, почти моментально ударившая в голову, согласно зашумела, и тараканы, выползшие из своих щелей еще при встрече с Элькой, громко заплодировали.

Браво, Самойлова, сказала она себе, еще не хватало начать его жалеть!

Но, с другой стороны, у Никитки появится отец, и он перестанет задавать ей неудобные вопросы. Например, почему у его друзей полная семья и где его папа.

Мальчику ведь нужен отец?.. Водка совместно с тараканами дружно подтвердили, что да, мальчику он нужен.

– Мне нужно хорошенько обо всем подумать, – произнесла Майя туманно. – Обещаю, Спасский, я очень и очень хорошо обо всем подумаю!

– Думай, – согласился Артем. – Завтра в десять утра буду у твоего подъезда.

– В одиннадцать. – Майю нисколько не удивил тот факт, что Артем знает, где они живут. – Дай нам время передохнуть после первого дня выставки. И вот еще, с Никитой ты будешь видеться исключительно в моем присутствии и не больше пары часов в день. И если мне что-то не понравится, общаться мы будем только через юристов.

– Договорились, – неожиданно пошел он на попятную. Затем спросил: – Что ты ему сказала?

– Кому?

– Моему сыну.

– О чем?

– Обо мне, Самойлова, обо мне! Наплела, что его отец – полярник и погиб на Северном Полюсе? Или же я у тебя утонул на подводной лодке, выполняя ответственное задание правительства?

– Слишком уж романтичная для тебя смерть, Спасский! – усмехнулась Майя. – Я сказала ему, что у него нет отца. Появился, потому что я очень-очень его захотела. Можно сказать, силой моей мысли.

Судя по лицу Артема, ответ не пришелся ему по душе, но в кои-то веки Майе было все равно.

Она поднялась, затем нетвердо покачнулась на высоких каблуках.

– Можешь не провожать, – сообщила Артему, хотя тот и не собирался.

Пошла к лифту, чувствуя на себе его внимательный взгляд. И она могла не только поклясться, но и поставить на кон все свои сбережения – Спасский откровенно пялился на ее зад и оголенную спину в дивном платье от Диор.

Глава 4

Родька приехал сразу же после девяти утра. Позвонил, сказал, что стоит возле подъезда, и Майя разрешила ему подниматься. Вошел, в темной одежде, непривычно изменившийся, но все тот же Резиновый Утенок – немного нескладный и смешной – и заявил мультяшно:

– Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро! – после чего деловито сунул Майе в руки бумажный стаканчик с кофе и пакет с круассанами.

– Мудро, очень мудро, – согласилась она, пытаясь вернуться в реальный мир из того, в который давно и привычно убегала.

Два часа в мастерской пролетели практически незаметно.

– Проходи, – сказала Родьке после того, как тот скинул обувь в прихожей, – будем с тобой пить кофе с круассанами, раз уж принес. – И тут же спохватилась: – А хочешь, я приготовлю тебе нормальный завтрак?

Родька от завтрака отказываться не стал, и поэтому, проведя гостя через большую комнату с черно-белыми диванами и стеклянным дизайнерским столиком, а затем усадив за барную стойку, Майя принялась хлопотать на кухне. При этом думала о том, что где-то через полчаса ей следовало уже поднимать Никиту, чтобы успеть его одеть и покормить, приготовив к встрече с отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.